

Анна Миолай

Чужая
В ЭТОМ мире

Анна Миолай

Чужая в этом мире

«Автор»

2026

Миолай А.

Чужая в этом мире / А. Миолай — «Автор», 2026

Я умерла и очнулась в теле девушки, которой суждено было стать чародейкой. Но что делать, если магический дар куда-то пропал, а я понятия не имею, что вообще происходит? Тут и война за корону, и адепты зловещего Серого Ордена, и какие-то неясные перспективы замужества с пока еще не отвоевавшим себе трон королем. И вроде бы мои знания в области иностранных языков весьма полезны, но хотелось бы держаться подальше от всего этого. Увы, у судьбы другие планы.

© Миолай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анна Миолай

Чужая в этом мире

Глава 1

Нестерпимо болела голова. От затылка к вискам накатывало волнами. И веки казались свинцовыми, просто неподъемными. Я никак не могла открыть глаза. Любая попытка напрячь хоть одну мышцу своего тела, даже такую незначительную, отдавалась острой всепоглощающей болью.

После такого падения и удара, удивительно, что я вообще что-то чувствую. Шансов отправиться в мир иной было намного больше, чем остаться в живых, пусть даже и с какими-то травмами.

Мысль эта пронеслась и утонула в густой пелене моего затуманенного сознания.

Как будто отделенные от меня толщей воды, слышались чьи-то незнакомые мужские голоса. В первую очередь подумалось, что я в больнице, возможно, даже в реанимации.

И тут же захотелось понять, есть ли какие-то еще травмы, кроме явной черепно-мозговой. Попробовала пошевелить ногами, чуть-чуть, и рукой, приготовившись к резкой боли или к тому, что не смогу ничего сделать. А вдруг вообще сломан позвоночник?

Но эта попытка привела совсем не к тому результату, на который я рассчитывала.

Ноги и руки я чувствовала, ничего не болело, да и тело тоже. Но подо мной была не кровать, а вокруг, видимо, не больница. И не машина скорой помощи. И вообще

Я лежала на земле. Нет на камнях. Плоских. На каменном полу или мостовой. А звуки голосов отдавались эхом, как в каком-то помещении, вроде большого зала.

Они стали ближе, вырвавшись из водной толщи. Теперь это был не просто шум, а отчетливый диалог. Но вот то, о чем говорили, заставило меня усомниться в адекватном восприятии происходящего.

— абсолютно все. Эклисария пуста, — произнес молодой, громкий голос. Слово “эклисария” странно резонировало в голове, вызывая образ чего-то среднего между монастырем и старинным замком. — Все ведьмы, способные противостоять Ордену, или уничтожены, или находятся под контролем.

— Хорошо. Приготовьтесь к ритуалу, — ответил второй голос — приглушенный, с хрипотцой, принадлежащий явно человеку в годах.

— Мы можем забрать всех с собой. Проведем ритуал в другом месте. Это было бы безопаснее, — возразил первый.

— Это замедлит наше продвижение, — отрезал хриплый. — Мы успеем забрать всю силу, зарядить амулеты. А там, где есть смысл — заберем и талант. Если потащим их с собой, и произойдет стычка, потеряем все это. Надо проводить ритуал здесь.

Я зажмурилась. Ведьмы? Орден? Ритуал? Что это за бред? Явно какой-то неадекватный персонал или, что хуже, я попала в руки сектантов. Надо увидеть, понять, что происходит.

И тогда я позволила себе приоткрыть глаза ровно настолько, чтобы никто не понял, что я очнулась.

Моему взору предстал пол, сложенный из плоского, отполированного камня. А рядом лежало безжизненное тело девушки в темном платье. Очень молодой. Я видела ее бледное лицо, обрамленное русыми волосами, широко раскрытые остекленевшие уже глаза. Она совершенно точно была мертва. Если это бред или кошмар, то был он слишком реалистичен.

Я подняла взгляд чуть выше. Прямо передо мной стояли двое. Они оба были облачены в серые балахоны, как будто монашеские.

Молодой слегка ткнул носком сапога лежащую рядом девушку, а потом и меня. Я почувствовала легкий, пренебрежительный тычок в лодыжку.

— А эти, что? — спросил он, и в его тоне не было ни жалости, ни даже интереса.

Хриплый голос отозвался так же совершенно безразлично, словно речь шла о мусоре:

— Ничего из себя не представляли. Ни силы, ни таланта. Не стоит тратить на это наше время.

Глава 2

Да что, в конце концов, происходит?

Я же упала с моста в Цну. Река в моем родном Моршанске неглубокая и небыстрая. Она не должна была унести меня далеко от места падения. Почему я лежу на каменном полу, а вокруг говорят о ведьмах?

Инстинкт самосохранения требовал лежать и не двигаться, но всплеск адреналина заставлял что-то сделать прямо сейчас. В глубине сознания, откуда-то из-за плотной завесы, появились мысли: Эти люди опасны. Смертельно опасны. И я совершенно четко осознала, что это единственная истина, которая имеет какое-то значение. Нельзя дать им понять, что я жива. Нельзя попасться

Дождалась, когда двое в серых балахонах повернулись спиной и отошли на несколько шагов, и приподняла голову. Слева от меня был пустой коридор, выходящий куда-то наружу. Во всяком случае, мне так показалось. Там на другом его конце, кажется, пробивался дневной свет.

Двое отошли еще дальше, перестав обращать на меня и лежащую на полу мертвую девушку вообще какое-то внимание.

Сейчас или никогда!

Поднялась на четвереньки, а затем попыталась встать на ноги. Это было ошибкой. Ноги мои мгновенно запутались в подоле длинного коричневого шерстяного платья, в которое я оказалась одета. Голова закружилась от резкого движения. Я сделала всего один шаг и упала, едва не ткнувшись носом в пол.

— Эй! — удивленно воскликнул один из мужчин, обернувшись на шум.

На мгновение наши взгляды встретились. Я увидела его лицо, абсолютно лишенное эмоций. Меня захлестнул ужас. Нельзя, чтобы он до меня добрался! Нельзя! Но он уже шел ко мне.

Времени думать просто не оставалось. Бежать!

И я, подобрав подол, вскочила, преодолевая головокружение и навалившуюся тошноту, рванула по коридору.

За спиной раздался окрик, какой-то приказ, топот. Что-то вспыхнуло у меня за спиной синим. Оборачиваться я не стала.

В ужасе я постаралась двигаться быстрее, но тут же осознала. Коридор вел не на свободу, а на открытую террасу. Выход оттуда один — прыгнуть с высоты, а это верная смерть.

В панике я резко свернула в узкий боковой проход. И тут же чуть не оступилась, оказавшись на темной винтовой лестнице, побежала по скользким ступеням. А голоса преследователей раздавались уже где-то наверху. За мной они не пошли. Неужели потеряли?

Ступеньки закончились внезапно, прямо перед входом в просторное помещение, с высокими сводами, увешанное медной утварью и заставленное дубовыми столами для разделки. Кухня

И выход отсюда ведет во внутренний двор, а там бежать некуда. Меня точно увидят Я в ловушке.

Ох, но откуда я знаю это? Может, там все-таки выход из этой эклисарии. Слово казалось знакомым и совершенно чужим одновременно. Серый Орден не оставит в живых никого. Нельзя, чтобы они нашли меня

Все эти определения всплывали одно за другим. И я понимала, что они означают. Кажется.

Снаружи на лестнице, по которой я спустилась, слышались голоса и звук шагов. Какие-то крики. Лязг металла.

Нет-нет-нет

Сейчас нужно подумать о том, как спрятаться. Да, лучше всего!

Мой взгляд упал на ближайший разделочный стол, и я схватила большой кухонный нож и осмотрелась. В углу стояло несколько больших дубовых бочек, две из них оказались пустыми.

Я подтянула одну из них к стене, толкнула на бок и забралась внутрь, свернувшись калачиком. Тесно но если развернуться так, чтобы меня не было видно и не шевелиться, возможно, они не заметят. Сжав в руке нож, я решила, что готова ко всему.

А в голове снова билось: бред, все это какой-то бред! Какой монастырь? Какие ведьмы? Какой орден?! Это все последствия травмы? Галлюцинации?

Глава 3

Мое имя — Алексеева Елизавета, а мой родной город — Моршанск. Правда, там я уже давно не живу. Переехала в столицу, как только поступила в МГИМО, и с тех пор мои визиты домой стали редкостью.

Ритм большого города засасывает, приучает жить на скорости, где все расписано по минутам: работа, встречи, редкие отпуска. Но Моршанск для меня все равно остался чем-то вроде точки отсчета, куда, хочешь или нет, приходится возвращаться — к людям, к воспоминаниям, к себе прежней.

Семья у нас большая: родители, я, сестра и двое братьев. Ольга была старше меня на три года. Она уже давно обзавелась мужем, детьми и огромной любовью к кулинарии. Средний брат, Андрей, вечно в разъездах по работе. Младший, Миша, студент, мечтающий то ли о музыке, то ли о бизнесе, сам еще не решил.

В детстве казалось, что меня слегка “забывают” на фоне старших и младших. Возможно, поэтому я так рано вырвалась из дома. Поступила в институт, выучила английский и испанский до уровня, при котором могу синхронно переводить на любых переговорах. Позже добавила в копилку нидерландский — на нем говорю вполне уверенно, хоть и с акцентом. Работа переводчика-синхрониста — не то чтобы мечта, но профессия престижная, оплачиваемая, да и я в ней хороша.

В личной жизни как-то не сложилось. Долгое время встречалась с парнем, мы были вместе еще со школы. Все ждали, что свадьба вот-вот состоится, но мы тянули. Он бросил меня внезапно, влюбившись в коллегу, и женился на ней через месяц.

Тогда я просто закрылась от отношений. Да так и осталась одна. И не то чтобы я страдала от одиночества — друзья есть, работа увлекает, время летит.

В тот злополучный день я как раз приехала навестить родителей и Ольгу, познакомиться с племянниками, которых еще толком не видела.

На вокзале Моршанска меня встретил знакомый с детства запах сырости и железнодорожного дыма. Погода выдалась пасмурная, низкие облака, обещали скорый дождь.

Я сразу поймала такси, рассчитывая доехать прямо до дома родителей.

Но не сложилось. Таксист довез меня только до Троицкого собора, а потом машина чихнула и заглохла. Он извинился, развел руками, предложил подождать, пока приедет другой водитель. Мне ждать не хотелось. Отсюда до дома каких-то пятнадцать минут пешком: перейти через мост и идти прямо по Первомайской всего один квартал. Чемодан на колесиках, тротуары есть ну кое-где точно есть, идти недалеко.

Я шла, рассматривая облупленные фасады старых домов, пустынные улицы, возвышающиеся над всем купола собора. Моршанск не изменился.

Мост через речку Цну старый, и его особо не ремонтировали толком. Бессмертная классика нашего города.

И вот я уже почти перешла на другую сторону, когда меня догнали двое. Лиц я не запомнила. Один заговорил невнятно, что-то вроде: “Девушка, подождите, спросить надо” Я ускорила шаг. Они тоже.

— Эй, ну чего ты, — неприятно засмеялся один, хватая меня за руку. Запах перегара и пота ударил в нос. — Мы ж просто спросить

В этот момент второй выхватил мою сумку, рывок заставил меня развернуться, и я, потеряв равновесие, ударила бедром о перила.

Начала громко возмущаться, но второй прижал меня к ограде.

— Заткнись! Не будешь орать, будешь жить.

Раздался резкий шум мотора где-то со стороны, откуда я пришла. Мужчины переглянулись. Один толкнул меня сильнее. Перила жалобно скрипнули, и что-то в них хрустнуло. Я ухватила рукой, но старое дерево не выдержало, обломки полетели в воду. И я вместе с ними.

Речка Цна в это время года ледяная, хоть и неглубокая. Но я ударилась затылком обо что-то — камень, торчащий кусок арматуры, сваю, не знаю. В ушах зазвенело, в глазах потемнело. Последнее, что помню — резкая боль в голове и всепоглощающий холод.

А открыла глаза я на холодном полу эклисарии. Что бы это ни значило.

Глава 4

Я размышляла о Моршанске, своей семье и о том, что помнила перед тем, как очнуться в этом бедламе: путь домой, двух уродов на мосту и падение в реку. И у меня не было ни одной идеи, как я попала в это странное место. Я как будто ударилась головой, закрыла глаза, а открыла их в этом монастыре

“Эклизарии,” — тут же поправила я сама себя мысленно.

а вокруг эти монахи, обсуждающие какой-то ритуал.

“Адепты серого Ордена,” — всплыла в мыслях еще одна поправка.

“Да хоть рыцари-тамплиеры!” — раздраженно заткнула я сама себя.

Какая мне разница, кто они? Если это бред или сон, то он закончится и мне не будет никакого дела до этих всех чуждых мне слов. А если нет? Тогда тоже не имеет значения, как называть тех, кто опасен. Главное понимать, что они представляют угрозу!

Но на самом деле я никак не могла решить для самой себя, было бы лучше, если бы я сейчас очнулась в больничной палате, с разбитой головой и наверняка переломами разной степени тяжести. В то, что удача была на моей стороне, и отделалась я легко, почти не верилось.

В тесной темной бочке мало что можно было рассмотреть, но все же взгляд упал на мои руки, судорожно сжимавшие большой разделочный нож. Никакого маникюра как будто отродясь и не было. Коротко остриженные ногти и все. Хотя я из необходимости выглядеть представительно делала его, без фанатизма, конечно. Только основной уход и гель светлых оттенков. Да и сами руки были как будто не мои: белые, узкие ладони, с длинными пальцами. На лоб упала прядь темных волос. А я была короткостриженной шатенкой. Точно какой-то бред.

Я ждала, что кто-то, в конце концов, зайвится в кухню. Найдет он меня или нет — это уж как повезет. Нужно быть наготове. Но время шло, а по винтовой лестнице так никто и не спустился. И я, наверное, просто устала ждать. Да и когда меня начала одолевать дрема, я просто позволила себе уснуть. А вдруг я проснусь там, где должна быть? В Моршанске, пусть даже на больничной койке

Проснулась все еще в той же бочке, сначала запаниковала, не сразу сообразив, где и я. Потом вспомнила. И тут же поняла, что меня разбудило. Голоса. Кто-то шел по лестнице, той самой, которая привела меня к этому убежищу.

Я затаилась. Сердце пропустило пару ударов и заколотилось так, что мне показалось, будто оно вот-вот выдаст мое присутствие. Голоса на лестнице становились все громче.

— Здесь кухня. Вряд ли кто-то остался. Вы же знаете серых, монсеньор... — голос звучал неуверенно, с какой-то заискивающей ноткой.

— Все равно надо проверить. Почему вы не вмешались? На ваших глазах Орден уничтожил целую эклизарию!

— У нас не было возможности им помешать, монсеньор. Их было слишком много, а их магия...

— Скорее — не захотели, — вмешался третий собеседник. Его голос был мягким, вкрадчивым, и в нем звучали нотки иронии.

— Вы на что намекаете, мэтр Леви? — взвился первый. — Хотите сказать, что я трусил?

— Это только что сказали вы, сьер де Сольтен. Мне бы и в голову не пришло обвинять дворянина в трусости... вслух, — в голосе мэтра Леви послышалась явная усмешка.

— Да как вы смеете!..

— Ой, замолчите, сьер!

В этот момент я услышала странный, сухой треск, подозрительно похожий на звук зажженного бенгальского огня. Сквозь щель между досками бочки внезапно проник яркий, ослепительно-белый свет.

Тяжелые шаги приблизились к моему убежищу. Кто-то уверенно стукнул по рассохшемуся дереву, словно проверяя спелость арбуза, и негромко произнес:
— Здесь.

Глава 5

Я едва успела крепче сжать рукоять ножа, как дубовые доски со страшным треском разлетелись в щепки. Бочка просто распалась на части, словно обручи, державшие её, лопнули все одновременно под воздействием невидимой силы.

И я оказалась на виду, сощурившись от яркого света, в окружении трех мужчин. Вскочила на ноги, как мне показалось, достаточно ловко, и вцепилась в рукоять кухонного ножа обеими руками, выставив его перед собой. Заставила себя посмотреть на них в упор.

Один из них, вероятно, тот, которого величали монсеньором — мужчина лет тридцати пяти с резкими, аристократическими чертами лица и тяжелым взглядом, облаченный в коричневый с красным камзол. Второй, молодой человек лет двадцати пяти с копной светлых волос и растерянным выражением на смазливом лице. Судя по одежде и оружию, эти двое были аристократами. Третий же худощавый, с иссиня-черными волосами, собранными в хвост, меча при себе не имел. Да и одет был не в камзол, как эти двое, а в свободный темный балахон, расшитый какими-то незнакомыми мне символами.

Светловолосый растерялся и даже отпрянул, увидев в моих руках нож.

“Монсеньор” нахмурился.

А третий их спутник сделал странный пас руками и что-то произнес. Вокруг выставленной вперед ладони образовалось нечто похожее то ли на пентаграмму, то ли на печать, как в фэнтезийных сериалах. Мгновение и эта штука сорвалась с его ладони и ударила меня в грудь. Впрочем, ничего я не почувствовала. Лишь заморгала, ожидая ну чего-то нехорошего. Но ничего не случилось.

— Потерявшая дар, — коротко произнес он.

“Монсеньор” посмотрел на меня с досадой и жалостью, сделал два шага вперед, протянув руку, видимо, собираясь просто забрать у меня нож.

Я попятилась и проговорила:

— Кто вы такие, и чего от меня хотите? Не подходите ближе!

Бред продолжался. Теперь я видела не монахов то есть не адептов какого-то Ордена. А ряженых в какие-то средневековые шмотки. Честно говоря, разбиралась я в старинной моде так себе. Но ребята эти были похожи на выходцев из каких-то то ли пиратских, то ли мушкетерских времен. Смущал лишь тот, что был в балахоне, создавший магию?

Троим мужчинам ничего не стоило скрутить меня и отобрать нож. Но почему-то “монсеньор” опустил руку и взглянул на темноволосого мага с недоумением:

— Ты ошибся?

Тот отрицательно замотал головой:

— Нет! Могу еще раз проверить.

— Она же без дара Потеряла рассудок! — светловолосый молодец затоптался на месте.
— Если

— Сьера, — я поняла, что “монсеньор” обратился ко мне, — если вы опустите нож, разговаривать будет куда удобнее. Зла вам мы не причиним. Вы же не хотите попробовать свои силы против троих мужчин?

— Я пас! — тут же изрек маг, отходя в сторону. — Драться я не буду. Против двоих, сьера. Но думаю, сьер де Сольен опять-таки побережет свою шкуру. Так что хм выходит, один на один.

“Монсеньор” посмотрел на него исподлобья, но ничего не сказал, снова обратившись ко мне.

— Сьера, я вас прошу

Я переступила с ноги на ногу. По всему телу бегали неприятные иголочки оттого, что сидела я в бочке, свернувшись в три погибели. А еще у меня замерзли ноги и руки. Немудрено, в таких-то условиях. Кажется, снаружи был точно такой же конец октября, как и в родном Моршанске — промозглый и сырой. На мне же не было обуви. В момент своего первого пробуждения я и не заметила этого. Так и бегала по эклисарии в одних шерстяных чулках.

Драться даже один на один с мужчиной, который не подумал даже прикоснуться к мечу у себя на поясе, показалось мне теперь чем-то совсем уж глупым. Конечно, тут легко решить, что перед ними какая-то сумасшедшая. Я не видела себя со стороны, но мне показалось, что видок у меня тот еще. Самое оно для умалишенной.

— Действительно, — пробормотала я, опуская свое оружие, но пока еще неготовая расстаться с ним.

— Хорошо, — проговорил “монсеньор”, — я Блезари де Шойен, герцог Орвельский. С нашей стороны вам ничего не угрожает. Если вы позволите, то мы проводим вас в безопасное место. Но мне нужно знать ваше имя.

— Ели — начала было я, но осеклась и произнесла совсем другое имя: — Элиза де Бриссанде.

И сама умолкла от неожиданности. Сейчас в моем восприятии это было моим именем больше, чем Елизавета Алексеева. Оно звучало совершенно чужим, и в то же время совершенно точно соответствующим создавшимся обстоятельствам.

Брови герцога Орвельского взметнулись вверх, он был удивлен. Темноволосый маг присвистнул. А сьер де Сольен шумно выдохнул.

М-да имя Елизаветы Алексеевой точно не смогло бы произвести подобного впечатления.

Глава 6

Раскланиваться передо мной никто не стал. И, к счастью, ни о чем не расспрашивали. Потому что я понятия не имела, смогу ли что-то рассказать о себе. Вернее, об Элизе де Бриссанде, имя которой внезапно возникло у меня в голове. Специально я не могла вспомнить ни одного факта, ни одного момента ее жизни. И не была уверена, что они возникнут точно так же, как и имя.

Это заставило сомневаться, а вообще имеет ли отношение это имя ко мне, вернее, к той, кем я стала. Кое-что я уже успела понять о своем теле. Я была совсем другой, не похожей на себя, Елизавету Алексееву. Но, по крайней мере, все еще оставалась женщиной, хотя теперь понятия не имела, хорошо ли это при сложившихся обстоятельствах. Не темное средневековье, конечно, но, кажется, с правами женщин и в мушкетерские времена было так себе. Могли и королеву отправить в монастырь, и благородную даму обвинить в колдовстве.

Нож я оставила в кухне на столе. Вроде бы из моих новых знакомых никто и в самом деле не собирался причинять мне вред, а с теми людьми, от которых я пряталась, они и вовсе были в контрах.

— Сьера де Бриссанде, — монсеньор де Шойен обращался ко мне вежливо, и это не то чтобы подкупало, но несколько успокаивало, — надеюсь, вы будете не против покинуть эклисиарию? Я отдам некоторые распоряжения, и после лично позабочусь о том, чтобы доставить вас в надежное место.

Я решила, что пока простого кивка будет достаточно. Вряд ли от растрепанной, извлеченной буквально только что из бочки, девушки, ожидали соблюдения этикета. Этим мой ново-явленный покровитель вполне был удовлетворен, и я послушно последовала обратно, вверх по лестнице.

Мы вышли из кухни, и то, что предстало моему взору, заставило меня растерять последние крохи надежды. Мне это все не привиделось!

Нет! Мое воображение не стало бы рисовать такое! К тому же бред выходил какой-то слишком связный. И мне давно пора было проснуться.

Меня вели по широким коридорам, каким-то смутно, очень смутно знакомым. Быстро приходящие знания о том, что меня ждет за тем или иным поворотом, больше мою голову не посещали. Но теперь это место не казалось мне чужим.

Только вот всюду царил хаос: разоренные комнаты, выломанные двери, разбросанные разорванные книги. Несколько раз нам попадались мужчины в одежде попроще, но в том же стиле, что и у моих спутников. Они замирали, отдавая честь или коротко кланяясь герцогу Орвельскому.

То и дело нам попадались люди, несущие женские тела в коричневых платьях, таких же, как то, что сейчас было на мне. Глядя на их безжизненные лица и остекленевшие глаза, я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Реальность вокруг поплыла. Мир качнулся. А затылок снова прошла острая, пульсирующая боль, от которой в глазах заплясали красные искры.

Я пошатнулась, невольно прижимая руки к вискам. Может быть, сейчас все и закончится? Я вернусь в Моршанск?

Из этого состояния меня выдернул голос герцога:

— Вам плохо, сьера? — он остановился и повернулся ко мне.

Я замерла, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, головокружение немного отступило, оставив после себя лишь звон в ушах. Нет Я все еще здесь.

— Уже лучше. Я в порядке... — я сглотнула, подавив приступ тошноты, сдавленно пробормотала: — за что... их всех? Что здесь произошло? Почему?

Герцог посмотрел на меня очень внимательно, изучающе. Сьер де Сольен за моей спиной хмыкнул.

— Вы разве ничего не знаете о Сером Ордене и их... хм... способах накопления силы?
— медленно произнес де Шойен.

Я лишь неопределенно пожала плечами. Внутри возникло неприятное чувство: я должна это знать. В памяти Элизы де Бриссанде наверняка хранились причины этой бойни, но сейчас в моем сознании не возникало ни единой ее мысли.

Глава 7

Мы вышли в небольшой зал, где гулял сквозняк. Массивные двустворчатые двери были распахнуты настежь. Я не ошиблась: снаружи стояла поздняя осень, со всеми ее прелестями: холод, грязь, тяжелое, свинцовое небо.

Герцог остановился и жестом указал на немолодого человека в строгом сером камзоле, который почтительно склонился перед нами.

— Подождите здесь, сьера. Сьер Мартен присмотрит за вами, пока я распоряжусь насчет лошадей, — проговорил де Шойен.

Он что-то вполголоса приказал де Сольену, и тот, коротко звякнув шпорами, поспешно скрылся за дверями. Сам герцог, кивнув сопровождающему нас магу мэтру Леви, кажется так его звали, направился к противоположному выходу. Тот последовал за ним. А я осталась стоять у холодной каменной колонны. Тишина зала позволила мне уловить обрывок их негромкого разговора, прежде чем они скрылись в коридоре:

— Ты уверен, что она та, за кого себя выдает? — спросил маг.

— Я пока ни в чем не уверен, — отозвался де Шойен. — Если понадобится, мы найдем способ проверить, говорит ли она правду.

Их голоса затихли. Я устало подумала, что сама себя подозревала бы. Девушка из бочки, собиравшаяся напасть на него с ножом, назвавшая явно какое-то значимое имя Наверное, сьере де Бриссанде не подобало такое поведение. Но мне было почти все равно.

Они вернулись меньше чем через десять минут. Я все еще стояла у колонны. И снова я расслышала обрывок их разговора, смысл которого ускользал от меня.

— Мы точно не сможем воспользоваться точкой перехода в эклисарии? — в голосе де Шойена звучало недовольство и нетерпение.

Мэтр Леви поморщился:

— Как будто серые оставили бы здесь хоть что-то! Чтобы восстановить и распечатать точку после такого, нужно время. Дней пятнадцать, не меньше.

Герцог раздраженно выдохнул и повернулся ко мне.

— Сьера, я сожалею, но придется воспользоваться уцелевшим экипажем эклисарии. Во всяком случае, вам не придется ехать верхом.

Я неуверенно кивнула, стараясь скрыть облегчение. Я, типичный городской житель, видела лошадей только в парках и всегда их побаивалась. Любое животное непредсказуемо. Хорошо, что я и не знала о перспективе ехать верхом раньше.

Мы вышли во внутренний двор, который представлял собой месиво осенней грязи. Кое-где по моим прикидкам можно было провалиться по щиколотку. Холодный ветер тут же пробрался под платье, и я замерла на ступеньках, глядя на свои ноги в тонких шерстяных чулках. Идти по этой жиже означало промочить ноги и окончательно превратиться в грязное, продрогшее нечто.

Мэтр Леви остановился чуть впереди и обернулся. В его глазах сверкнуло нездоровое любопытство. Он явно ждал, как «благородная сьера» будет справляться с этой проблемой.

Де Шойен, уже сделавший несколько шагов к экипажу, заметил заминку. Он посмотрел на мои босые ноги, потом на грязь, и на его лице отразилась напряженная работа мысли. Я ожидала чего угодно: галантного предложения опереться на руку или, может быть, даже плаща, брошенного поверх грязи.

Но герцог жертвовать плащом не собирался.

— Прошу прощения, сьера, — коротко бросил он.

Прежде чем я успела издать хоть звук, шагнул ко мне, подхватил одной рукой и, легко перекинув через плечо, понес к экипажу, как мешок с картошкой. Мир перевернулся. Я видела

только спину под расшитой тканью и хлюпающую под сапогами грязь, и была настолько ошарашена этой бесцеремонностью, что даже не додумалась возмутиться или начать сопротивляться, так и повисла вниз головой.

Сбоку донесся смешок мэтра Леви. Происходящее явно его развеселило.

Глава 8

Отчасти я была рада, что в экипаже меня оставили одну. По крайней мере, теперь я могла немного поразмышлять обо всем наедине с самой собой.

Экипаж, принадлежавший эклисарии, меньше всего напоминал роскошные кареты из исторических фильмов. Это была сугубо утилитарная, аскетичная повозка. Никакого бархата или мягких сидений. Лишь грубо оструганные деревянные скамьи, от которых по спине тут же пополз холод. Стекол в окнах экипажа не было. Я попыталась задернуть пыльные шторы, хоть как-то отгородиться от холода и сквозняка. Но это практически не помогло.

Сжавшись в комок, подтянула ноги под подол платья. Шерстяная ткань, хоть и была плотной, от холода не спасала совершенно.

Впрочем, этот холод стал моим спасением. Он не давал задремать, хотя мне сейчас очень хотелось именно уснуть, и позволил поразмышлять о происходящем. Я снова и снова повторяла про себя: “Элиза де Бриссанде”. Имя перекатывалось, как гладкий речной камень. Оно снова казалось чужим и не имеющим ко мне никакого отношения. Я не могла вспомнить ни лиц родных, ни каких-то событий прошлого, ни даже вкуса любимого блюда этой девушки, которой сейчас была. Пустота.

Но моя собственная жизнь, жизнь Елизаветы Алексеевой, с ее вечными дедлайнами, суетой столицы и сонной тишиной Моршанска, запахом кофе по утрам, тоже начала как будто бледнеть. Она казалась теперь прочитанной книгой, содержание которой помнишь лишь в общих чертах. Прошлое с обеих сторон проваливалось в густой, вязкий туман. Реальным казалось только вот это “здесь и сейчас”.

Наверное, я должна была биться в истерике. Но вместо страха внутри поселилась странная апатия. Мне стало наплевать на то, куда меня везут и кем меня считают. Главным желанием было просто согреться.

Я ощутила резкий толчок. Экипаж остановился, его дверца распахнулась, впуская внутрь порцию сырого воздуха. Герцог уселся на скамью напротив меня, нахмурился, рассматривая пристально. Видимо вид мой был настолько жалок, что вызвал какое-то сочувствие даже у него. А может Элиза де Бриссанде была достаточно ценна, чтобы как-то минимально о ней позаботиться. Не говоря ни слова, де Шойен расстегнул пряжку своего плаща и протянул его мне.

Я моментально вцепилась в плотную, подбитую мехом ткань, укуталась в нее, как в кокон, ощутила чужое спасительное тепло.

— Спасибо, — проговорила я. Голос звучал хрипло. Кажется, я начинаю простывать. Вот уж чего не хватало.

Герцог постучал по стенке экипажа, и тот снова тронулся.

— Сьера, нам нужно прояснить некоторые моменты, — начал он, — вы помните, что именно произошло в эклисарии? Что случилось с вами?

Я попыталась сосредоточиться. Но стоило мне подумать об эклисарии, как затылок прошила знакомая пульсирующая боль.

— Нет. Все как в тумане, — я покачала головой, поморщившись.

— Скверно, — заключил он. — Вы единственная, кто остался там в живых и при этом не потерял рассудка. Всем остальным повезло меньше: либо смерть, либо полное безумие. Вам будут задавать вопросы, много вопросов. И вы должны быть к этому готовы, невзирая на ваше положение.

Я от досады прикусила нижнюю губу. О “моем положении” я знала не больше, чем о квантовой физике, но вслух спросила:

— В эклисарии все мертвы? Совсем все? И что значит — потеряли рассудок?

Герцог не ответил сразу. Он подался вперед, заглядывая мне в глаза.

— Что вам известно о сером Ордене, Элиза?

Я невольно отвела взгляд. Не было ни единой мысли, лишь в придачу к больной голове зазвенело в ушах. От одного упоминания Ордена виски заломило так, будто в них вкручивали сверла. Он уже спрашивал об этом там, в эклисарии. Неужели нельзя просто рассказать, а не устраивать эти допросы? Или это действительно какая-то проверка?

Я решила, что если Элиза — аристократка, то она вполне может позволить себе отказаться отвечать.

— Прошу вас, оставьте меня, — тихо, но твердо произнесла я. — Если я вспомню хоть что-то важное, я обязательно вам сообщу. Но сейчас я просто не могу.

Герцог несколько секунд молча смотрел на меня со смешанным выражением на лице. Затем резко постучал по стенке, как в прошлый раз. Экипаж остановился.

— Как пожелаете, сьера де Бриссанде.

Он вышел, захлопнув за собой дверцу, и я осталась в тишине, кутаясь в его плащ, и кожей чувствовала, что он остался недоволен разговором. Его подозрения только окрепли, и теперь я была для него не столько спасенной жертвой, сколько кем-то, кто вызывал опасения.

Если бы я только понимала, чего от меня хотят!

Глава 9

Из тяжелой дремы меня вырвал ударивший в лицо вихрь, и голос:

— Мы почти на месте, сьера.

Почти также, как впервые в этой реальности у ног двух адептов серого Ордена я с трудом разлепила глаза. Во всем теле ощущалась неприятная тяжесть, как бывает когда засыпаешь после тяжелого дня, а просыпаешься с температурой, поверженная каким-нибудь простудным вирусом. В том, старом, уже начавшем забываться мире, я бы очнулась в своей постели. Да, возможно пришлось бы выпить какой-нибудь антигриппин и хотя бы на полдня отправиться выполнять свои должностные обязанности. Но никто не заставил бы меня работать в таком состоянии. А иной раз можно было бы обойтись коротким сообщением. Да, болеть и дома очень неприятно

Но теперь было у меня подозрение, что не шибко этого сьера де Шойена герцога Орвельского беспокоит мое состояние.

Я выглянула в окно.

Экипаж как раз подъезжал к, сначала мне показалось, замку. Но нет Сначала мы миновали первые ворота, и поехали вдоль высокой крепостной стены. Вернее между двумя такими стенами. Не знаю, но наверное в обеих было метров десять высоты. И судя по толщине это была какая-то серьезная крепость. Миновали вторые ворота и оказались внутри

И я не поняла, что такое охраняют за этими стенами. Мощеный двор был абсолютно пуст, если не считать круглой плоской площадки посередине.

Де Шойен сам открыл дверцу экипажа и протянул мне руку.

— Сьера.

Он был неизменно вежлив. Да. Эта вежливость и спокойный тон подкупили меня там на кухне эклисарии. Я решила, что от людей, которые не собираются нападать на меня сразу, мне ничего не грозит. Теперь же я не была абсолютно уверена в этом.

Тут было бесполезно звать на помощь, что-то требовать, пытаться сбежать. Я ничего, абсолютно ничего не знала об окружающем мире. А в этой странной крепости все явно выполняли исключительно приказы моего то ли спасителя, то ли пленителя. Причем ему в большинстве случаев хватало одного жеста, чтобы один или несколько человек тут же срывались с места. Как они его понимали? Понятия не имею. Интересовало ли меня это сейчас? Пожалуй, нет!

Я так надеялась на хоть какое-то тепло, не тряскую тарантайку, а комнату хотя бы со стулом, пусть не с кроватью. А тут голый двор и какой-то хмм помост? Еще и дождик начал накрапывать.

Приняв его руку, я совершенно не аристократично шмыгнула носом и вышла из экипажа, по-прежнему кутаясь в его плащ. Увы, снова никто не подумал, что обуви у меня так и нет.

У круглой пустой площадки уже стоял маг, мэтр Леви Память, хранившая где-то глубоко прочитанные в детстве и подростковом возрасте книги, вдруг выдала какое-то представление о том, что мэтром следует называть ученого человека преклонного возраста. Как-то не вязался образ из моего подсознания с тем, что представлял из себя этот человек.

И вновь я увидела, как он творит магию: несколько слов, которые невозможно разобрать, пас одной рукой, вторая рука вытянута ладонью вперед и вокруг нее засветилась, собираясь как будто из отдельных частей, печать. Он опустился на колени и словно положил эту “печать” на площадку, в самую ее середину. И тут же, словно отозвавшись на его действия, в небо ударил столб белого света.

— Монсеньор, сьера, прошу вас, — проговорил он поднимаясь на ноги и выпрямляясь. Выглядело немного наигранно, словно он хотел произвести впечатление на меня, что ли?

И что это вообще такое? Какая-то проверка?

Несмотря на усталость, затуманенность сознания, ощущение наступающей болезни, я испугалась. Оглянулась на своего спутника с нарастающей паникой. А он одарил меня в ответ недоуменным взглядом.

— Это всего лишь портал, сьера де Бриссанде. Я обещал, что доставлю вас в безопасное, надежное место, я выполняю свое обещание.

Я затравленно посмотрела по сторонам. Нет, выбора у меня точно нет. А задавать вопросы означало навлечь на себя еще большие подозрения. А потому оставалось лишь следовать его указаниям и идти вперед, к этому свету

Перед тем, как шагнуть, я еще услышала, как де Шойен произнес:

— Сьер де Сольен, отправляетесь с нами, сейчас.

Сначала меня обьял свет. А потом я оказалась в полной темноте. От неожиданности сделала еще один шаг вперед, вдохнула затхлый воздух подземелья и меня накрыла паника, переходящая в ужас.

Никакого тепла и безопасности! Это какой-то каменный мешок, подземелье И я все так же не понимаю, чего от меня хотят эти люди, в чем подозревают

Я закашлялась. Мир, вернее темнота вокруг, поплыла красными кругами.

Передо мной стоял человек, лет пятидесяти, в длинной рясе из грубой серой ткани. Его прозрачные глаза, будто лишенные пигмента, словно два осколка застывшего льда, смотрели сквозь меня.

Он произносил слова заклинания нараспев, но я не понимала их, не могла уловить. Хотелось пошевелиться, закричать, закрыться, но тело одеревенело и не слушалось меня.

Он замолчал и медленно протянул ко мне руку. Его сухие, узловатые пальцы едва коснулись воздуха перед моей грудью, но я закричала от невыносимой боли. Казалось, прямо в грудную клетку плеснули расплавленный свинец, который вгрызался в меня, в мое тело, выжигая сердце.

Внутри меня словно разбился драгоценный хрустальный сосуд. Тысячи острых осколков разлетелись по телу, вонзаясь в мышцы, пробивая легкие. И пришла тьма.

Эклизария... Солнечные лучи пробивались сквозь высокие стрельчатые окна. Коридоры, переходы и залы были полны голосов и смеха. Это не монастырь, скорее, школа или пансион.

Я видела книги, которые читала, смотрела в свои же тетради, слушала наставниц, старалась постигнуть и те науки, что были положены мне, да и всем остальным, как дочерям благородных семей, и магию.

Наставницы твердили: чтобы подчинить свой дар и силу, нужно обуздать суть всех четырех стихий. Я видела себя у алхимического стола, пытающуюся усмирить капризную воду и непостоянный воздух, но сердце всегда тянулось к огню. Это было упоительное чувство — видеть, как на кончиках моих пальцев расцветают алые искры, складываясь в пульсирующую огненную печать. Огонь был послушным, теплым, моим.

И Кларина де Варанс. Во сне она заливисто смеялась, поправляя выбившуюся прядь светлых волос, и мы шепотом обсуждали будущее за пределами этих стен. Она была моей лучшей подругой... И с ее мертвым взглядом я встретилась там, на каменном полу эклизарии.

Я видела замок Бриссанде, родной мой дом. Отца, которого уже нет в живых. Мачеху и сводного брата Кажется, наши отношения не были плохими.

Потом совсем раннее детство. Маму и ласковое солнце над зелеными лугами перед замком, где среди травы пробивались маленькие цветочки с золотистыми серединками и белыми лепестками

Память Элизы де Бриссанде становилась моей памятью со всеми ее радостями и печалью...

Глава 10

— Необычная реакция на переход. Никогда не сталкивался. Дезориентация, паника, бред. Сказать ничего определенного не могу. Но связано это может быть с чем угодно

— С магией Ордена? — сьер де Шойен желал услышать конкретные ответы на свои вопросы.

Многое в этой истории казалось слишком уж странным, необычным и несколько дезориентирующим. А учитывая условия, в которых сейчас находился он сам, да и все Фаллансийское королевство, в первую очередь необходимо разобраться во всем странном и необычном, потому как не стоит оставлять без внимания то, чего не понимаешь. А не понимал сейчас сьер Блезари де Шойен, герцог Орвельский много разных отдельных вещей во всей этой истории с разоренной Серым Орденом эклисарией. А его маг явно затруднялся с объяснениями.

Однако порассуждать им не дали. Именно в тот момент, когда мэтр Леви сказал о необычной реакции скрипнула массивная дверь личного герцогского кабинета. А его вопрос перекрыл возмущенный женский голос:

— Реакция на переход?! Вы верно шутите, мэтр Леви?

— Мэтресса Илле, - вместо приветствия произнес де Шойен.

Впрочем, сама целительница не озаботилась тем, чтобы постучаться, поздороваться и войти как подобает, пользуясь дарованной ей привилегией. Была она, привилегия эта, всего у двоих: у мэтра Леви, который, тем не менее, практически ей не пользовался, и у мэтрессы Илле, обратившей сейчас на мага полный возмущения взгляд.

Ольена Илле обладала довольно эффектной внешностью: копна густых, вьющихся крупными кольцами волос цвета старой меди обрамляла лицо с алебастрово-бледной кожей. Ее изумрудно-зеленые глаза горели живым, колючим огнем, а привычка смотреть на собеседника в упор выдавала в ней натуру деятельную, не терпящую возражений и пустых разговоров. Голос мэтрессы, неожиданно глубокий и звучный, заполнял собой все пространство. И очень быстро становилось понятно, что спорить с этой женщиной — занятие бесполезное и утомительное. Тем более, что она останется права.

— Полное моральное и физическое истощение. Сьера де Бриссанде едва не погибла в ритуале, чудом спаслась, а после провела почти целый день на холоде, босая И мэтр де Леви в самом деле считает, что это реакция на переход?

— Предстоит еще убедиться, что это, действительно, сьера де Бриссанде, — заметил маг, — кажется, имеются некоторые сомнения.

— И каким образом, позвольте спросить, воспаление легких позволит вам с большей точностью установить ее личность? Даже если она назвалась чужим именем, это не оправдывает

— Мэтресса Илле, — де Шойен повысил голос чуть-чуть, совсем немного, лишь чтобы дать понять целительнице, что сейчас не время устраивать подобные перепалки.

Та замолчала поджав губы.

— Что с ней сейчас?

— Спит, — коротко ответила мэтресса Илле и добавила: — и будет спать до завтрашнего утра, — и снова предвосхитив вопрос герцога, сообщила: — и я настаиваю на паре дней отдыха для нее. Без допросов, монсеньор! До полного восстановления!

— Она прошла через ритуал Ордена, лишилась дара и силы, сохранила рассудок во всяком случае относительно, судить пока рано. Оказалась единственной выжившей в эклисарии. У меня есть к ней вопросы, — произнес де Шойен. — Вы не заметили в ней присутствия магии серых?

— И что скажете о ритуале? Разве он не разрывает душу в клочья? — не выдержал маг.

Целительница одарила его недовольным взглядом, вздохнула, качнула головой и проговорила уже спокойнее:

— Никаких следов их магии. Последствия хм осколки структуры, которые обычно и являются осколками разорванной души, были по всему ее телу. Я их удалила. Но сама душа цела. Не могу сказать, как это произошло. Что касается магических структур Ордена — нет. Ни единого следа. Если вы опасались каких-то чар Их нет, монсеньор.

— Пусть будет по вашему, — после некоторого раздумья согласился герцог, — два-три дня на восстановление, и никаких расспросов. За это время я успею запросить и получить ее полную метрику. Удостоверимся, что она действительно Элиза де Бриссанде.

На этом он дал понять, что разговор окончен. Кроме того, надо было разобраться с еще одним делом. И как только двери кабинета закрылись за магом и целительницей, вызвал секретаря и тут же отправил его за сьером де Сольеном.

Тьермон де Сольен явился в течение нескольких минут. Обычно щеголеватый и уверенный в себе, сейчас он выглядел так, будто провел последние сутки в седле под проливным дождем. Его светлая шевелюра была в полнейшем беспорядке, а в глазах металась тень беспокойства и, похоже, страха. Он то бросал на герцога быстрый взгляд, то поспешно отводил его, рассматривая носки своих сапог.

Де Шойен не предложил ему сесть. Он стоял у окна, заложив руки за спину, и обернулся лишь тогда, когда продолжительность паузы и эффект, произведенный ею, его устроил.

— Как вышло, сьер де Сольен, — голос герцога прозвучал обманчиво мягко, — что пока Орден устраивал в эклисарии расправу, вы со своими людьми просто наблюдали за происходящим со стороны?

Де Сольен вздрогнул, его пальцы легли на рукоять меча, судорожно ее сжали, потом он заставил себя убрать руку, понимая недопустимость этого жеста.

— Мы были слишком далеко, когда всё началось, монсеньор, — голос его дрогнул, но он быстро взял себя в руки. — А когда добрались до стен, ворота были закрыты и запечатаны магией. Штурмовать эклисарию с теми средствами, что были у моего отряда это было бы чистым самоубийством, которое никого бы не спасло. Я решил отправить сообщение Мне показалось это разумным

— Сообщение! — отрезал де Шойен. — Вы должны были отправить его сразу же, как только заметили, что что-то не так.

Де Сольен промолчал и лишь сильнее опустил голову. Сказать в свое оправдание ему было нечего.

Герцог внимательно изучал подчиненного. Ошибка? Безусловно. Ошибка, стоившая нескольких десятков жизней. Но, глядя на побледневшее лицо Тьермона де Сольена, Блезари видел горечь и досаду. Произошедшее не было трусостью или предательством. Скорее, фатальным замешательством человека, столкнувшегося с обстоятельствами, к которым он не был готов.

— Я лично поговорю с вашими людьми в ближайшие дни, — ровно произнес герцог, — чтобы убедиться, что вы говорите правду. А пока отправляйтесь в Вальмонри, к его величеству, и будете ждать там моих дальнейших распоряжений. Мэтр Леви откроет вам переход. Свободны.

На лице де Сольена отразилось явное облегчение, смешанное со стыдом. Он коротко поклонился и поспешно вышел.

Орден проник в эклисарию изнутри. У де Шойена почти не оставалось в этом сомнений. Кто-то распечатал точку перехода, открыл ее и впустил серых. И не спасла настоятельницу Вайлену ни магия, ни печати, которые она вместе с остальными служительницами наложила на ворота и стены Вернее, вместо того, чтобы спасти, они превратили эклисарию в братскую хм сестринскую могилу.

И, да, было бы так просто, если бы найденная в бочке девушка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.